— Всё, капец, — Ду Мяомяо подскочил на кровати и в панике принялся запихивать игрушку-мастурбатор обратно в картонную коробку. — Твой дядя… ой, то есть брат, нас запалил. Он же не подумает, что это мы тебе подарили?

— Ну, тогда мы просто верх заботливости, — вполголоса хмыкнул Гао Ся.

— Не подумает, — отозвался Цинь Цзуй.

Эти двое выглядели так, словно их поймали на месте преступления. Цинь Цзуя это забавляло, но объяснять, откуда на самом деле взялась эта штука, он не стал. Просто забрал коробку и вернул её на книжную полку.

Они по очереди вышли из спальни. Цзян Чу и Лу Яо сидели на диване перед телевизором. Девушка держала на коленях кота Чжоу Тэна, лениво его поглаживая, и воодушевленно расписывала Цзян Чу достоинства своих экранных любимчиков — красавчиков под номерами один, два и три.

Цзян Чу откинулся на спинку дивана, прикрыв лоб тыльной стороной ладони. Цинь Цзуй сразу понял, что брату вся эта болтовня неинтересна — слушал он невнимательно, но ради приличия всё равно улыбался и поддерживал разговор.

— Раз у тебя столько любимчиков, я-то думал, тебе только Цинь Цзуй нравится, — подал голос Гао Ся, пристраиваясь рядом с тарелкой недоеденного торта.

— Это другое, — фыркнула Лу Яо. Свою симпатию к Цинь Цзую она никогда особо не скрывала. — Мне вон и Шэнь Тэн нравится, разве это мешает мне любить остальных красавчиков?

Вдруг её рука, гладившая кота, замерла. Лу Яо приподняла Чжоу Тэна под мышки, развернула к себе мордочкой и ахнула:

— Мамочки! Я всё думала, почему этот кот кажется мне таким знакомым! Вы только посмотрите на него! Это же вылитый Шэнь Тэн!

Ду Мяомяо и Гао Ся подсели поближе и принялись разглядывать кота. Чжоу Тэн недовольно вырывался, а троица покатывалась со смеху.

— Чего гогочешь? — Цзян Чу легонько щелкнул Ду Мяомяо по лбу. — Твой дядя тебе разве не рассказывал?

— Он говорил, что у тебя живёт котёнок, похожий на Чжоу Цзелуня, но про Шэнь Тэна и слова не было! — Ду Мяомяо потёр лоб и, словно любопытный зверёк, придвинулся ближе к Цзян Чу, принюхиваясь. — Дядя Цзян, ты что, выпил? С моим дядей и остальными?

Цзян Чу только открыл рот, чтобы возразить, как Цинь Цзуй уже бесцеремонно схватил Ду Мяомяо за шкирку и оттащил в сторону.

— Вы голодные? — Цзян Чу достал телефон и полистал приложение с доставкой еды. — Я-то думал, вы днём заглянете, пока я с коллегами обедаю, а к моему возвращению уже разойдётесь. Но вы, я смотрю, просто забили на вечернюю самоподготовку…

— Ну зачем же так прямо, а, брат Чу? — взмолился Гао Ся.

— Ладно, выбирайте, чего хотите, — усмехнулся Цзян Чу и бросил им телефон. — Заказывайте сразу.

Ребята заказали две пиццы, а Лу Яо, которая по вечерам не ела, обошлась лёгким салатом. Они весело болтали за едой, а когда стрелка часов приблизилась к девяти вечера — времени, когда в школе обычно заканчивалась самоподготовка, — засобирались домой.

— Цинь Цзуй, вызови им такси, — попросил Цзян Чу. Голова у него слегка кружилась, и провожать гостей на улицу сил не было.

— Да ладно тебе, дядя Цзян, мы и сами можем вызвать, — отозвался Ду Мяомяо.

— Пусть он вызовет, — настоял Цзян Чу. — Так я смогу отслеживать вашу поездку в приложении. Не хватало ещё, чтобы вы приехали ко мне в гости, а на обратном пути вас кто-нибудь похитил. Я же потом перед вашими родителями не оправдаюсь.

— Какая забота! — восхищённо покачала головой Лу Яо. — Цинь Цзуй, официально заявляю: моё сердце теперь занято другим.

— Да уймись ты уже! — в один голос простонали Гао Ся и Ду Мяомяо.

Цинь Цзуй тем временем сгреб пустые коробки от пиццы и прочий мусор в пакет и вручил им, выставляя за дверь.

Стоило ребятам уйти, как Цзян Чу без сил повалился на диван. Он потёр ладонями лицо и негромко позвал:

— Цинь Цзуй, иди сюда. Разговор есть.

— Сейчас, — донеслось из кухни. Цинь Цзуй уже наливал ему тёплую воду с мёдом.

— Спасибо, поставь пока, — не шевелясь, Цзян Чу указал пальцем на журнальный столик. —

Сейчас бы чего-нибудь холодненького.

Цинь Цзуй вернулся на кухню и открыл для него банку с консервированными персиками.

Приняв банку, Цзян Чу сел, упёрся одной ногой в край столика и снова устало потёр переносицу.

— Вы чего там в комнате устроили? — Он не стал сразу есть персики, сначала сделав несколько глотков прохладного, сладкого сиропа.

Какое блаженство.

— Ду Мяомяо наткнулся на ту игрушку-мастурбатор, ну они и начали дурачиться, — ответил Цинь Цзуй.

— А вы не забыли, что в гостиной вообще-то сидит девушка? — Цзян Чу бросил на него быстрый взгляд и сделал ещё глоток.

— Она не видела, — буркнул Цинь Цзуй.

— Да дело не в том, видела она или нет, — Цзян Чу запнулся. После алкоголя мысли ворочались со скрипом, приходилось подбирать слова. — В вашем возрасте гормоны бурлят. Чуть что увидят — и сразу крышу сносит…

Цинь Цзуй нахмурился.

— В новостях ведь постоянно об этом трубят, — Цзян Чу досадливо цыкнул. — Соберется компания парней с девчонкой, начнут друг перед другом петушиться, животные инстинкты верх возьмут — и всё, зажимают беднягу в углу и издеваются.

— Я бы так не поступил, — отрезал Цинь Цзуй.

— Да знаю я, что ты не такой. И Гао Ся с Ду Мяомяо не ублюдки какие-нибудь… — Цзян Чу вдруг осёкся, почувствовав всю неловкость ситуации. Разговоры о половом воспитании давались тяжело. Ладно бы родители или учителя в школе, но говорить об этом с младшим братом… Как ни подбирай слова, всё равно звучит как-то двусмысленно и пошло.

— Но вы подумали о том, каково Лу Яо? — зашёл он с другой стороны.

Цинь Цзуй молча смотрел на него.

— Представь… чисто гипотетически, — продолжил Цзян Чу. — Будь у тебя в будущем дочь… Ладно, забудь про дочь, представь, что у тебя есть младшая сестра. Она идёт в гости к трём одноклассникам, а те закрываются в комнате и начинают бурно обсуждать игрушку-мастурбатор. Даже если ты уверен, что парни они нормальные, тебе на душе спокойно будет?

— И вообще, даже если вы там просто в приставку рубились и увлеклись. Оставить девчонку одну у телевизора, когда она специально притащила вам кучу вкусностей, чтобы проведать… По-твоему, это красиво?

Цинь Цзуй продолжал молча бурить его взглядом, и Цзян Чу почувствовал, как запал угасает.

— Ладно, я не пытаюсь читать тебе нотации, просто… — Цзян Чу замялся, испугавшись, что задел брата несправедливыми подозрениями. Вдруг тот решил, будто его считают каким-то извращенцем, и обиделся? Цзян Чу ведь знал, что Цинь Цзуй умеет быть чутким и вежливым с девушками, пусть даже те его совершенно не интересовали.

Цинь Цзуй не ожидал от Цзян Чу такого разговора. О подобных вещах он даже не задумывался.

Конечно, он и сам собирался приструнить Гао Ся с Мяомяо, заставить их убрать игрушку-мастурбатор и выйти в гостиную, но Цзян Чу вернулся как раз в самый неподходящий момент.

Оправдываться он не стал. И вовсе не от обиды. Просто его заполнила внезапная, непреодолимая мысль: до чего же Цзян Чу потрясающий человек.

Взбалмошный, эгоистичный, временами откровенно раздолбаистый — и всё же, с кем бы он ни общался, он всегда умел посмотреть на ситуацию чужими глазами. И делал это не ради приличия. Это было его естественным ходом мыслей, врождённым инстинктом.

Чуткий, заботливый. Невероятно тёплый человек.

Устоять перед таким и не влюбиться было просто невозможно.

— Ты со всеми такой? — пристально глядя на него, тихо спросил Цинь Цзуй.

— В смысле? — Цзян Чу растерялся, не поспевая за столь крутым виражом мысли.

Цинь Цзуй промолчал. Немного подумав, он негромко произнёс:

— Извини. Я не подумал.

Цзян Чу заговорил об этом просто к слову, ведь Цинь Цзуй не совершил ничего

предосудительного. Но когда парень так покорно признал вину, на душе у Цзян Чу заскребли кошки.

— Да ладно тебе, я же не ругаю, — он потянулся и ласково взъерошил волосы на макушке Цинь Цзуя. — Тебе ведь никто раньше об этом не рассказывал.

— К тому же ты у нас парень разумный. Я в твои годы был тем ещё придурком, только недавно в приличного человека превратился, — Цзян Чу не выдержал и негромко рассмеялся. — Как-то пошёл с девчонкой ужинать. Зашёл в ресторан первым, совсем забыв, что она идёт следом, и отпустил тяжёлую штору на входе. Она ей прямо по лицу и прилетела. Та бегала за мной и колотила добрых полчаса.

Цинь Цзуй улыбнулся. Какое-то время они просто глупо хихикали вдвоём. Стоило Цзян Чу немного выпить, как его смешливость подскакивала до небес; вот и сейчас он никак не мог остановиться. Завалившись обратно на диван, он едва не пролил сладкий сироп из жестяной банки.

— Ох… — Цзян Чу прикрыл глаза, шумно и блаженно выдыхая. Мысли в хмельной голове окончательно растеряли всякую серьёзность. Он покачал головой и вдруг выдал: — Ну точно отец твой.

Цинь Цзуй, как раз забиравший у него полупустую банку, чтобы убрать в холодильник, удивлённо вскинул брови и резким движением шлёпнул Цзян Чу по заднице.

Когда Цинь Цзуй пристроил персики в холодильник и перемыл всю посуду, Цзян Чу уже сладко спал, уткнувшись лицом в подушку.

Убавив звук на телевизоре, Цинь Цзуй хотел было разбудить его и отправить в спальню, но замер. Он присел рядом и долго, молча всматривался в спящее лицо. Позвать брата язык не поворачивался.

Цзян Чу спал неудобно: щека зажалась между диванным валиком и подлокотником так нелепо, что лицо даже слегка перекосило.

Цинь Цзуй осторожно протянул руку и кончиком пальца коснулся его щеки.

Цзян Чу даже не пошевелился.

Разум твердил: «Убери руку», но тело не слушалось. Палец скользнул выше и мягко опустился на губы Цзян Чу.

Пока это было лишь мимолётным порывом, он оставался спокоен. Но стоило коже коснуться чужих губ, как едва осязаемая мягкость отозвалась в пальцах мощным разрядом статического

электричества. Импульс прошил руку и ударил прямо в сердце.

Дело дрянь.

Ни дурацкие разговоры про игрушку-мастурбатор, ни подростковая возня друзей не вызывали у него даже намёка на возбуждение. Но в отношении Цзян Чу… Цинь Цзуй вынужден был признать: он испытывал к нему болезненное, почти извращённое влечение.

И чем сильнее росла его привязанность — или, вернее сказать, любовь, — чем глубже он увязал в этом притяжении, тем яростнее становилась эта тёмная жажда.

Цинь Цзуй не сводил глаз со своего пальца, прижатого к чужим губам. В голове мутным потоком закружились грязные, запретные фантазии. Хотелось сменить указательный палец на большой, с нажимом очертить контур рта, заставив приоткрыть губы, скользнуть пальцем внутрь, почувствовать влажное тепло… или зайти ещё дальше…

— Мяу… — Чжоу Тэн, сидевший на журнальном столике, заворожённо наблюдал за движением его руки, а потом тихонько пискнул и попытался поймать палец мягкой лапой.

От этого звука Цзян Чу сонно завозился и приоткрыл глаза.

— Он меня ударил? — непонимающе уставился он на кота.

— Нет, — Цинь Цзуй успел отдёрнуть руку в тот самый миг, когда брат открыл глаза, и теперь прятал горящие пальцы в кулаке. — Иди в спальню.

— А… — Цзян Чу потер уголок губы и сел. Он машинально коснулся гипса на голени Цинь Цзуя и только сейчас сообразил: — Надо же, вырубился прямо тут. Ребята когда бесились, ногу тебе не задели?

— Нет, всё нормально, — пульс у Цинь Цзуя участился. Он опустил взгляд на ладонь Цзян Чу, лежащую у него на ноге. С одной стороны, хотелось немедленно её убрать, с другой — чтобы тот продолжал гладить его как можно дольше.

Но Цзян Чу лишь легонько похлопал его по колену и, пошатываясь, убрёл к себе в спальню.

В ту ночь Цинь Цзуй долго не мог уснуть.

Перед глазами то и дело всплывали пошлые, возбуждающие образы. Казалось бы, чего проще — подрочить и снять напряжение. Но в голове настырно всплывали слова Цзян Чу о «животных инстинктах» и «грязных мыслях», и это жутко бесило.

Представлять сейчас Цзян Чу в своих фантазиях казалось предательством — будто он и впрямь опускался до уровня похотливого животного.

Промучившись от этой глухой ярости, он в конце концов слез с кровати, сел за стол и принялся решать контрольные, которые притащил Гао Ся.

Он просидел за учёбой с одиннадцати вечера до половины второго ночи. Откинувшись на спинку стула, Цинь Цзуй размял затёкшую шею. Оставалось только выпить воды, сходить в туалет, умыться и наконец-то лечь спать.

Но стоило ему подойти к кулеру и взять стакан, как из спальни Цзян Чу донёсся глухой удар — будто что-то тяжёлое рухнуло на пол, — а следом послышался тихий, болезненный стон.

Цинь Цзуй тут же поставил стакан и поспешил к комнате брата.

Цзян Чу никогда не запирал дверь, она была лишь слегка прикрыта. Толкнув её, Цинь Цзуй увидел нелепую картину: брат лежал на полу у кровати, зацепившись одной ногой за матрас и вяло пытаясь заползти обратно.

— Ты чего не спишь? — сонно пробормотал Цзян Чу, вздрогнув от неожиданного появления гостя.

— С кровати свалился? — Цинь Цзуй подошёл ближе и помог ему забраться на матрас.

— Снилось, будто я по степи качусь. Катился-катился и ухнул в какой-то овраг, — Цзян Чу, ещё толком не протрезвев и не проснувшись, послушно перекатился к стене. Он улёгся на спинку, раскинув руки и подставив прохладному воздуху голый живот, а затем прикрыл глаза локтем. — Бля… Чуть не убился.

На Цзян Чу были только боксеры. Цинь Цзуй замер, разглядывая его в полумраке комнаты, затем наклонился, натянул одеяло до самых плеч брата и ушёл в ванную.

Спустя пару минут, когда Цзян Чу уже снова начал проваливаться в сон, дверь тихо скрипнула. Цинь Цзуй вошёл с чашкой воды, поставил её на тумбочку, а сам, прихватив плед, без лишних слов залез на кровать.

— Ты чего? — приоткрыв один глаз, сонно спросил Цзян Чу.

Цинь Цзуй мягко, но настойчиво развернул его голову обратно, заставив лечь к себе спиной.

— Спи уже.

http://bllate.org/book/18398/1869439